

И. Ю. Мартианова

МАТЬ ИЛИ СВЕТСКАЯ ДАМА?

(Материнство в XVIII — первой половине XIX в.)

Взаимоотношения матери и ребенка — тема достаточно популярная в современной историографии. Желание лучше понять эти взаимоотношения заставляет обратить внимание и на исторический материал. Полигоном для изучения трактовки данной темы в XVIII — первой половине XIX в. стал комплекс источников личного происхождения. Наибольшую долю среди их авторов составляют дворяне. При подготовке темы было изучено 18 мемуарных источников. В статье приводятся лишь наиболее яркие примеры из них.

Далеко не все мемуаристы обращаются в воспоминаниях к своему детству. Многие из тех, чье детство пришлось на XVIII в., считали этот период своей жизни неинтересным, не стоящим отображения. А те из мемуаристов, кто все же коснулся темы детства, далеко не всегда затрагивают вопросы материнско-детских отношений. Например, в воспоминаниях С. И. Маевского сведения о детстве есть, а о взаимоотношениях с матерью автор не упоминает (см.: [10]). Иногда эти взаимоотношения описываются схематично и без подробностей. Тем не менее мемуаристы-дворяне оставили немало свидетельств о взаимоотношениях матерей и детей в этом столетии. Авторы воспоминаний, которые были детьми в первой половине XIX в., писали свои произведения

во второй половине века. Они, напротив, к своим детским годам относились с большим вниманием. В текстах, созданных ими, масса достаточно откровенных подробностей о материнско-детских отношениях. Немаловажным фактом является и то, что многие из авторов XIX в. описывают в своих воспоминаниях случаи, характеризующие материнство предыдущего столетия. Эти сведения они почерпнули из рассказов старших родственников и современников, дав им собственную интерпретацию и оценку, в которых отобразили взгляды своего времени, сравнив их с позицией предыдущего или последующего поколения. По понятным причинам большинство произведений, дающих подробную информацию по интересующей нас проблеме, были созданы женщинами. Авторы-мужчины затрагивали эту тему в том случае, если они, подобно А. Д. Галахову, занимались педагогической деятельностью либо, подобно А. Т. Болотову, рано лишились материнской опеки.

Проблема взаимоотношений матерей и детей была рассмотрена Н. Л. Пушкарёвой в статье «Мать и дитя в русской семье XVIII — начала XIX в.», опубликованной в ежегоднике «Социальная история, 1997» [12]. Н. Л. Пушкарёва считает, что «материнство как биосоциальное явление меньше зависит от сословно-правовой стратификации общества, хотя, разумеется, традиции и нормы отношения женщин к детям, материнского поведения, особенности воспитания у разных социальных групп и слоев общества всегда заметно варьировались. Будучи "внеклассовым", внесословным, понятие "материнство" не является вневременным» [12, с. 226]. Автор приходит к выводу, что к рубежу веков сложилось два пути женского воспитания, которые соответственно определили и два типа отношения к материнству. К первому типу Н. Л. Пушкарёва относит тех женщин, которые с детства воспитывались в поместье под присмотром бабушек и нянек. Для них материнство — «содержание всей их частной жизни» [12, с. 246]. Ко второму типу были отнесены те из женщин, кто жил в столице и крупных городах. Результатом их светского воспитания стали повышенная экзальтированность, раскованность публичного поведения,

следование моде и презрение прежних «условностей». Следовательно, «их "modus vivendi" был мало связан с материнством» [там же]. Материалы, содержащиеся в рассказах мемуаристов о детстве в XVIII — первой половине XIX в., позволяют существенно дополнить и расширить затронутую тему.

Рассматриваемое явление, как и всякое иное явление жизни, имеет свою историю, то есть изменяется (иногда значительно) во времени и пространстве. Материнство в дворянском сословии Российской империи XVIII — первой половины XIX в. имело некоторые особенности по сравнению как с предшествующим периодом, так и с последующим.

В предлагаемой статье речь пойдет об особенностях понимания материнства и отношении к материнским обязанностям в XVIII — первой половине XIX в.

Считается, что с XVIII в. «...стали особенно ценить ребенка, по особенному относиться к детству» [12, с. 227]. Однако, если поднять вопрос о месте ребенка в дворянской семье, то окажется, что не только в XVIII, но и в первой половине XIX в. ребенок занимал приниженное положение в собственной семье — низшее среди свободнорожденных — и был выше крепостных только по факту своего рождения. Материальные потребности ребенка удовлетворялись в последнюю очередь (например, детские устроивались в самых плохих комнатах; см. воспоминания Е. П. Янковой [13, с. 22], Е. Н. Водовозовой [3, с. 129], Г. Е. Врангель [4, с. 38]). По мемуарным свидетельствам, дети демонстрировали безоговорочно почтительное отношение ко всем взрослым в доме, кроме крепостных (см. мемуары анонимного автора [16, с. 79], Е. П. Янковой [13, с. 24], Г. Е. Врангель [4, с. 32], Н. А. Тучковой-Огаревой [19, с. 181] и др.). Наказания детей производились таким образом, что часто переходили в прямое истязание (см. воспоминания С. М. Соллогуб [15, с. 53], О. П. Верховской [2, с. 124], Е. Н. Водовозовой [3, с. 347]). Отец и мать имели неограниченную власть над своим ребенком, даже если он становился совершеннолетним (см. [13, с. 260; 11, с. 17]). О его безопасности почти не заботились. Занимая такое незначительное место в семье, ребенок лишь в редких случаях являлся предметом постоянной опеки. Если матери заботились, то лишь об особо желанном ребенке либо о любимце. Но и эти обстоятельства не выступали гарантией внимательного отношения к детям. Так, например, Дмитрий Александрович и Елизавета Петровна Янковы очень хотели иметь сына [13, с. 146]. Были они непоседливы и часто переезжали то в Москву, то в поместье, то к родственникам или знакомым. Мальчики в их семье рождались слабыми. Дальняя дорога и в современной жизни увеличивает риск заболеваемости ребенка, а в XVIII — первой половине XIX в. при тогдашних «удобствах» путешествия это была прямая угроза потерять его. Янковы же не откладывали своих путешествий, несмотря на то что теряли одного ребенка за другим. Смерть их детей, по видимому, была прямым следствием частых переездов. Иногда супруги

Яньковы не брали детей с собой, а оставляли под присмотром доверенной женщины Егоровны, но это их также не спасало. Малышам нужна была мать. По той же причине болели и остававшиеся в живых девочки [13, с. 70, 75—81, 83]. Однако Е. П. Янькова считала себя образцовой матерью, а Федосью Ивановну Бартеневу представляла в своих рассказах как мать недобросовестную. Она называла Ф. И. Бартеневу «великой непоседкой», потому что та «была охотница веселиться и мыкаться из дома в дом» [13, с. 182]. Имея несколько разнополых разновозрастных детей, она никогда не сидела дома, а разъезжала целый день, а то и ночь по гостям и балам. Иногда она оставляла своих детей в домах, где шли занятия с хозяйскими детьми, и это было благом для них. Ведь если она не находила детям пристанища, то в любую погоду заставляла их сидеть в карете, пока сама она не завершит визит. Однажды, «когда ее дети были еще малы», вспоминала Е. П. Янькова, Ф. И. Бартенева отправилась с ними на бал к Голицыным. «На дворе был ужасный мороз; сама Бартенева веселится на бале, а дети, бедняжки, мерзнут в карете. Очень стало им, верно, холодно, они начали пищать и плакать». Лакеи доложили хозяину дома князю Д. В. Голицыну, что у его крыльца в карете погибают от холода дети Бартеневой. Князь приказал принести их в кабинет, накормить и уложить спать. «Говорят, — вспоминала Янькова, — что без сострадания князя дети совсем бы замерзли, и это могло случиться не один раз» [13, с. 183]. И Ф. И. Бартенева, и Е. П. Янькова, по сути, думали о своих развлечениях больше, чем о детях.

Эмоциональной близости между матерью и ребенком в XVIII — первой половине XIX в. тоже, как правило, не было, так как их взаимоотношения определялись в основном этикетом. Е. П. Янькова оставила подробную характеристику отношений «отцов и детей» в этот период: «В то время дети не бывали при родителях неотлучно, как теперь, и не смели прийти, когда вздумается, а приходили поутру здороваться, к обеду, к чаю, к ужину или когда позовут за чем-нибудь. ...Мы не смели сказать: за что вы не меня сердитесь, а говорили: за что вы изволите гневаться, или: чем я вас прогневала; не говорили: это вы мне подарили; следовало сказать: это вы мне пожаловали, это ваше жалование. Мы наших родителей боялись, любили и почитали» [13, с. 24]. Ей вторит в своих воспоминаниях В. А. Соллогуб: «...держались почтительно и никогда не смели говорить "ты" ни отцу, ни матери» [14, с. 31]. Таким образом, родителей, в том числе и собственную мать, прежде всего «почитали» и «боялись», любовь же ребенка к матери была скорее хорошим тоном и частью предписанного поведения, привитыми воспитанникам, нежели подлинным чувством любви, основанным на душевной теплоте и взаимопонимании. Этому немало способствовала и широко распространенная практика отселения детей. Детскую устраивали в отдаленных комнатах, либо вообще выселяли детей в отдельное строение. Иногда это диктовалось соображениями гигиены [9, с. 283], иногда — нежеланием видеть ребенка [9, с. 303], иногда — соображениями удобства для его обучения [1, с. 30]. Широко распространенным был также обычай

отдавать своих детей в другие дворянские семьи на воспитание. В первую очередь это касалось нелюбимых [8, с. 12] и незаконнорожденных [6, с. 314] детей, но и любимых детей отдавали для получения ими образования [7, с. 294—299]. Все эти обстоятельства мало способствовали установлению каких-то особо теплых отношений с матерями.

Быт детей и уход за ними в семьях авторов мемуаров были поручены слугам. Образованием занимались нанятые учителя или гувернеры. Мать (редко отец) лишь осуществляла общий контроль, и то не всегда. Те женщины, которые решились сами целиком и полностью посвятить себя воспитанию и образованию своих детей, воспринимались как нечто неординарное и заслуживающее особой отметки. В мемуарной литературе XVIII — первой половины XIX в. примеры такого отношения к материнству встречаются нечасто — Александра Алексеевна Капнист, Луиза Карловна Вильегорская, Наталья Борисовна Долгорукова, Екатерина Романовна Дашкова, Софья Михайловна Соллогуб. Общество и даже их самые близкие люди не всегда с пониманием относились к этим женщинам, серьезно воспринимавшим свои обязанности матери и много сил и времени отдававшим детям. Софья Михайловна Соллогуб не нашла сочувствия даже у собственного мужа, который упрекал ее в излишнем пристрастии к детской [14, с. 168]. Это нетипичные образы матерей того времени. С. М. Соллогуб, последовавшая примеру своей матери, писала о ней: «Она рано отстранилась от отца, чтобы всецело предаться нашему воспитанию» [14, с. 51]. И далее: «Она жила и дышала только нами. <...> Мысль о том, чтобы в воспитании детей ей помогала гувернантка, совершенно противоречила убеждениям мама: она считала гувернанток стеной, разделяющей родителей и детей. Она никогда на это не соглашалась и, хотя воспитывать мальчика было далеко не просто, все-таки обошлась без посторонней помощи» [14, с. 52]. Заботливая мать — это нетипичный образ в мемуарах, описывающих то время.

Более характерным для этой эпохи является образ матери в воспоминаниях Е. Н. Водовозовой, урожденной Цевловской. Ее мать Александра Степановна Цевловская закончила в 1828 г. Екатерининский институт благородных девиц и вышла замуж. Дочь вспоминала, что Александра Степановна никогда не могла точно сказать, сколько раз ей приходилось рожать. По ее счету чаще всего выходило, что у нее было шестнадцать детей, а по счету соседей — двадцать, поскольку они учитывали и мертворожденных [3, с. 32]. Можно подумать, что при такой многодетности она любила детей и стремилась как можно полнее реализовать свое материнство, но это было не так. Александра Степановна не проявила особого желания заниматься детьми. Когда оказалось, что ее муж Николай Григорьевич имеет явный педагогический талант и с большой охотой занимается их воспитанием, Александра Степановна почти устранилась от этого процесса. Лишь излишний детский шум мог привлечь ее внимание, и тогда она, не разбираясь, раздавала подзатыльники. Зато у нее обнаружились незаурядные способности к хозяйствованию и склонность к рачительному управлению помещьем. Она этим и занялась. Для матери

мемуаристки это было не просто, так как ее муж Н. Г. Цевловский жил не по средствам. Жена не смела отказать ему в деньгах, видя, что он тратит их на воспитание и образование детей. После смерти мужа и девяти детей в эпидемию холеры 1848 года А. С. Цевловская отнюдь не вернулась к своим материнским обязанностям. Она продолжала заниматься хозяйственными делами, выводила свое поместье из долгов и сделала его доходным предприятием, а воспитание детей передоверила няне. Дети боготворили няню, а мать боялись [3, с. 90]. Мать осуществляла лишь самый общий контроль за образованием детей. В некоторых случаях она бралась сама вести уроки, но неумение и отсутствие навыка общения с собственными детьми приводили к тому, что дети воспринимали эти уроки как бедствие: мать часто кричала на них, из-за малейшей ошибки выходила из себя и колотила нерадивых. Особенно от нее доставалось самой мемуаристке, боявшейся матери как огня [3, с. 190] и мечтавшей о том, чтобы ее отдали в другую семью или в институт [3, с. 329].

Немаловажной причиной такого отношения к материнским обязанностям было и то, что девочек с детства готовили к светской жизни, к управлению домом и поместьем, но не к материнству. Девочки-дворянки были даже лишены практического опыта ухода за детьми и налаживания с ними отношений. Такой опыт имели их сверстницы-крестьянки, которые с малых лет становились нянями своим младшим братьям и сестрам. Иногда дочери дворян обучали младших детей в семье, но воспитание ребенка состоит не только в передаче ему определенной суммы знаний. Российские дворянки на протяжении рассматриваемого периода воспринимали свои обязанности в соответствии с просветительской парадигмой отношения к детству и материнству. Просветительская литература, имевшая педагогическую направленность, более была сосредоточена на понятии образования, нежели воспитания. Поэтому девочке если и разъяснялись ее будущие материнские обязанности, то разъяснения касались их образовательной стороны. Обучать дворянку уходу за детьми и готовить к нему даже, видимо, не пытались, так как предполагалось, что это та сфера домашнего труда, которую обслуживала прислуга.

Влияние на степень заботы матери о детях оказывало и раннее замужество. Широко распространенная практика выдачи замуж малолетних девочек приводила к тому, что юные матери порой не могли справиться со своими обязанностями и сами создавали опасные для детей ситуации. Так, мать мемуаристки Т. П. Пассек Н. П. Кучина, выйдя замуж в 14 лет, уже через два года имела двоих детей. Но двукратное материнство не научило ее серьезно заботиться о своих детях. Например, играя с ребенком весной, она могла посадить младшую годовалую дочку в лужу, забывая при этом, что ее мать предупреждала ее о риске простудить ребенка. Конечно, дело кончилось опасной простудой [11, с. 28]. Другая мать, столь же юная жена Петра Николаевича Капниста, подобными развлечениями погубила их единственного сына. Родители очень любили своего «...прекрасного и здорового мальчика», но Екатерина Армановна, «...будучи сама ребенком и

неопытной матерью... не умела обращаться с ним» [9, с. 371]. Игры с малышом возле открытого окна в осеннее время закончились его смертью. Отец, вернувшись из служебной поездки, «...нашел ребенка своего на столе» [там же]. Семейная жизнь супругов не ладилась и до рождения сына, а после его смерти П. Н. Капнист «...потерял совершенно рассудок, хотел лишиться себя жизни, предлагал то же и жене своей, на что она, натурально, не согласилась; он пришел в совершенное негодование», так как только в сыне видел смысл их брака. П. Н. Капнист считал, что жена равнодушно восприняла гибель ребенка и свою вину, и «...с того времени совершенно охладил к ней» [там же].

По классификации Н. Л. Пушкарёвой, Н. П. Кучину следовало бы отнести к первому типу женщин. Е. А. Капнист, которая готовилась в столичном пансионе к светской жизни, но, едва вступив в свет, была увезена своим мужем в провинцию, можно считать представительницей второго выделенного типа матерей дворянок. Наталья Петровна Кучина воспитывалась дома, в поместье, а Екатерина Армановна Капнист — в пансионе, однако на умении обращаться с детьми эта разница не сказалась. И та и другая не имели ни малейшего понятия о том, как следует обращаться с ребенком. Если разница между двумя выделенными типами женщин и существовала, в вопросах ухода за детьми, их воспитания, образования она не слишком проявлялась. Женщины, которые стремились максимально полно реализовать себя в материнстве, и в провинции, и в столице встречались нечасто. Случаи, когда матери много внимания и сил уделяли своим детям, потому и попали на страницы воспоминаний, что выделялись на общем фоне.

Образ матери в мемуарной литературе часто заслоняется образами других лиц, которые больше заботились о мемуаристе в детстве. Прасковья Николаевна Татлина вспоминала, что няня Пелагея, бывшая при ней и других детях, «...поставивши их на ноги ...вселяла в детях страх Божий и развивала зачатки нравственности» [18, с. 191]. Мать вообще в ее детских воспоминаниях фигурирует мало и несколько отстраненно. Ее взгляды и жизненная позиция еще в детстве вызывали отторжение у дочери [18, с. 195], а став взрослой и выйдя замуж, мемуаристка ощутила, что любовь мужа к ней «...поселила во многих зависть», и в числе этих многих — была ее мать, которая тоже любила ее [18, с. 198]. П. Н. Татлина утверждала, что в детстве и до замужества в доме родителей она не получила ни малейшего представления о браке, семейной жизни и материнстве. Свои ранние воззрения на брак она характеризовала через типичный для дворянской служилой среды образ покровительства: «...родители не живут вечно и передают дочерей младшим мужчинам, мужьям; эти мужчины становятся покровителями (курсив мой. — И. М.) их дочерей. Но я никогда не желала быть переданной молодому, потому что они все не нравились мне; я имела симпатию только к старикам», так как они «...говорили об интересных для меня предметах, и я уважала их» [18, с. 191], а молодые «...показались дураками» [там же]. К детям она тоже относилась своеобразно: «Я очень любила женские рукоделья, а в детской и в кухне нога моя не была, на ма-

леньких детей не могла смотреть, мне делалось тошно» [18, с. 194]. Впоследствии, став матерью, П. Н. Татлина считала, что смысл материнства заключается в том, чтобы «...посредством образования сделать детей независимыми, то есть счастливыми» [18, с. 223]. Счастья детей она не увидела, хотя и потратила все свое состояние и лучшие годы на их образование, поэтому мемуаристка считала свою жизнь неудачной. Явно неуважительное отношение к ней детей, заставивших ее вести «странническую жизнь» [18, с. 224], переезжая от одного к другому, усиливало ощущение краха ее надежд и идеалов.

Образ матери в воспоминаниях Н. А. Дуровой блекнет перед образом отца. Для матери она была нелюбимым ребенком, которого та отталкивала от себя с рождения, так как мечтала о сыне. Четырехмесячную Надежду мать выбросила из окна движущейся кареты. К счастью, девочка осталась жива и даже не покалечилась. Гусары, видевшие это, «вскрикнули от ужаса», а отец взял ребенка к себе на седло, заявив жене, что не отдаст уже ей дочку во власть и сам займется ею [8, с. 4]. Когда Н. А. Дурова бежала из дома на войну, то испытывала угрызения совести только перед отцом [8, с. 22—23]. Примеров недоброго, неумелого, безжалостного обращения с собственными детьми немало в воспоминаниях дворян, детство которых проходило в XVIII — первой половине XIX в.

Существенное влияние на состояние материнства оказывала и характерная для XVIII — первой половины XIX в. патриархальность внутрисемейных отношений, подчиненное положение женщины. Ее права рассматривались только после того, как были реализованы права мужчины. Если родители разводились или, что было чаще, разъезжались, то местонахождение ребенка зависело от воли отца. По воспоминаниям А. Д. Галахова, его двоюродный дед А. И. Сербинов оставил сына при себе, потому что считал, что мать не даст ему правильного воспитания, он желал воспитывать его по методу Руссо [5, с. 47]. Даже в том случае, когда отец не собирался заниматься воспитанием своего ребенка, он мог забрать его. Именно так поступил Александр Васильевич Сушков, когда разъехался со своей женой. Он знал, что жена его очень любит двух своих дочерей. Дети тоже любили ее больше, чем отца, так как он мало интересовался ими и был груб с их матерью. Забрав дочерей, А. В. Сушков раздал их своим родственникам для воспитания. Е. А. Сушкова вспоминала: с восьми лет, «как кочующий улан, я не находила постоянного крова, и меня перебрасывали, точно мячик, с одного конца России на другой, а ужасней всего то, что мной распоряжались без согласия и даже без ведома матери» [17, с. 68]. Отец «...запретил девушкам и людям говорить мне о матери, — писала мемуаристка, — запретил мне расспрашивать о ней, кажется, запретил даже и думать о ней» [17, с. 53]. Узнав, что жена прислала старшей дочери свой портрет на память, «он с запальчивостью вырвал его... из рук и разломал его на мелкие куски» [17, с. 58]. А между тем мать тайно с помощью няни навещала дочь, пока та была в Москве. Она умоляла мужа вернуть ей дочерей, но получала отказ. Муж мотивировал его тем, что она слишком больна (у нее, по словам мемуаристки, был «аневризм сердца»). На

некоторое время ей вернули младшую дочь, а старшую она увидела только через семь лет перед своей смертью. Марья Васильевна, сестра ее мужа, разрешила ей в течение двух месяцев пожить с дочерью в ее поместье, понимая, что А. П. Сушкова так больна, что скоро умрет [17, с. 81—82]. То есть с материнскими чувствами не считались, даже если отцу дети, по сути, были не нужны. Такое отношение к материнству, видимо, не вызывало порицания в обществе, что и порождало подобные ситуации.

Если женщина не состояла в законном браке со своим мужем, то с ее материнскими чувствами и правами на детей считались еще меньше. Такая судьба постигла гражданскую жену П. А. Яковлева Христину Петровну, бабушку мемуаристки Т. П. Пассек [11, с. 13]. По делам службы он на несколько лет уехал из поместья, оставив там Христину Петровну с детьми. Уже в преклонном возрасте П. А. Яковлев отбил у одного провинциального чиновника жену, дождался его смерти и женился на ней. Свое потомство от Христины Петровны он узаконил, получив на то согласие императора, затем заставил своих братьев признать этих детей его законными наследниками [11, с. 14]. Невенчанной жене он велел немедленно покинуть поместье, где она прожила с ним более двадцати лет. Забрать с собой кого-либо из детей ей было невозможно. Взрослые дети потом навещали ее, но негласно.

Материалы изученных мемуаров позволяют сделать следующие выводы. Представления о материнстве в XVIII — первой половине XIX в. в дворянской семье имели определенное своеобразие. Оно заключалось в том, что мать и детей разделяли этикетные отношения, ограничивавшие возможность установления тесного эмоционального контакта во многих семьях. В мемуаристике, посвященной этому периоду, больше подчеркивается прочность не семейных, а родовых отношений и дружеских связей. И это не случайно. Личностно-эмоциональные отношения матерей к детям не помогали объединению значительного числа дворянских семей. Восприятие ребенка как существа неполноценного определяло невнимание к его потребностям, здоровью, часто приводило к травматизму или гибели. В полных семьях материнство могло быть реализовано лишь при поддержке мужа, который при случае имел возможность лишить жену права воспитывать детей и даже общаться с ними. Общество также до поры до времени не приветствовало в женщине чрезмерного увлечения материнскими обязанностями, то есть аффектированное материнство фактически рассматривалось как девиантное поведение. Светская жизнь или тот круг занятий, который имитировал ее в провинции, поглощал внимание женщины, мало что оставляя на долю детей. Впрочем, демонстративное невыполнение элементарных обязанностей также вызывало осуждение.

Возможно, образ материнства в своем развитии совпадает с основными вехами становления детства. Детство и материнство — это два взаимосвязанных и взаимозависимых процесса, которые последовательно изменялись в истории, постепенно приближаясь к современному состоянию. Значимость и статус матери возрастают с повышением значимости и статуса ребенка в семье.

Библиографический список

1. *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986.
2. *Верховская О. П.* Картинки прошлого: Из воспоминаний детства. М., 1913.
3. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. М., 1964. Т. 1.
4. *Врангель Н. Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели: Воспоминания. М., 2006.
5. *Галахов А. Д.* Записки человека. М., 1999.
6. *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1958.
7. *Данилов М. В.* Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722—1762) // Безвременье и временщики. Л., 1991.
8. *Дурова Н. А.* Записки кавалерист-девицы. М., 2005.
9. *Капнист-Скалон С. В.* Воспоминания // Записки воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX в. М., 1990.
10. *Маевский С. И.* Мой век, или История генерала Маевского, 1779—1848 // Русская старина. 1873. Кн. 8.
11. *Пассек Г. П.* Из дальних лет: В 2 т. СПб., 1905.
12. *Пушкарёва Н. Л.* Мать и дитя в русской семье XVIII — начала XIX в. // Социальная история, 1997. М., 1998.
13. Рассказы бабушки. Л., 1989.
14. *Соллогуб В. А.* Воспоминания. М., 1998.
15. *Соллогуб С. М.* Из воспоминаний С. М. Соллогуб // Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.
16. «Старушка из степи». Приживалы и приживалки. М., 1883. Вып. 3. Кн. 2.
17. *Сушкова Е. А.* Записки, 1812—1841. Л., 1928.
18. *Татлина П. Н.* Воспоминания // Русский архив. 1899. Т. 3. № 10.
Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М., 1903.